

УДК 902
ББК 63.4

Первый Мордвиновский курган. Архивное наследие ИИМК РАН.
Т. 1 — СПб.: ИИМК РАН, 2021. — 232 с., илл.
The First Mordvinovsky burial mound. Archival heritage
of IHMC RAS. Vol. I — St. Petersburg: IHMC RAS. 2021. — 232 p.
ISBN 978-5-907298-25-5
doi.org/10.31600/978-5-907298-25-5

Утверждено к печати Ученым советом ИИМК РАН.

Ответственные редакторы:
д. и. н. Ю. А. Виноградов, к. и. н. М. В. Медведева

Рецензенты:
д. и. н. В. А. Горончаровский, к. и. н. Е. Г. Застрожнова, к. и. н. В. П. Никоноров

Подготовка иллюстраций: Т. А. Ершова

Художник: С. Д. Минаев

Издание подготовлено и осуществлено
в рамках выполнения программы ФНИ ГАН
по темам государственной работы № 0184-2019-0010 и № 0184-2019-0005

Монография открывает новую серию «Архивное наследие ИИМК РАН», в которой планируется вводить в научный оборот уникальные материалы Научного архива Института истории материальной культуры РАН. Первый том посвящен исследованиям Первого Мордвиновского кургана в 1914 г. Полевая документация и изобразительные материалы этих раскопок считались полностью утраченными, археологическая коллекция пропала во время Второй мировой войны. В архивном собрании ИИМК РАН недавно обнаружился весь комплекс фотографий, сделанных одним из участников работ. Идея опубликовать его целиком привела к появлению настоящей книги. В ней раскрываются известные и неизвестные обстоятельства раскопок 1914 г., дается интерпретация погребального обряда и инвентаря с учетом вновь выявленных документов. В альбоме иллюстраций воспроизводятся все фотографические документы. Издание предназначено для археологов, историков, специалистов в области скифского искусства и всех интересующихся древней историей.

- © Институт истории материальной культуры РАН, 2021
© Коллектив авторов, 2021
© Художественно-графическое оформление. С. Д. Минаев, 2021

ВВЕДЕНИЕ.

Первый Мордвиновский курган — эталонный и почти забытый памятник Скифской культуры

Курган, расположенный в нижней части
Днепровского Левобережья, недалеко от Каховки
(Ольховский 1977: 110, рис. 1, 21),
был раскопан летом 1914 г.

Владельцем земли, на которой он находился,
был граф А. А. Мордвинов, выделивший деньги на раскопки.
По его имени этот памятник и получил своё название.

Стоит отметить, что в 1914 г. раскопки были предприняты не только на Первом, но и на Втором Мордвиновском кургане (о нём см. Лесков 1974: 54–55, 60), и некоторые фотографии, относящиеся к этому памятнику, представлены в нашей публикации (табл. 7, 119, 120). Проводились также раскопки небольших курганов, расположенных поблизости от Первого: № 20 (табл. 117; ФО НА ИИМК РАН, отп. Q 600/31, 32), № 21 (табл. 5, 118; ФО НА ИИМК РАН, отп. Q 600/34–36), № 22 (табл. 5; ФО РО НА ИИМК РАН, отп. Q 600/37–43). Все они были обозначены на топографическом плане, к сожалению, утерянном. Какой-либо иной информации, относящейся к этим археологическим памятникам, у нас нет, по этой причине мы вынуждены отказаться от каких-либо рассуждений по этому вопросу.

Исследования Первого Мордвиновского кургана были начаты по инициативе М. И. Ростовцева и проводились при его участии (Ростовцев 1925: 422). Раскопками непосредственно на месте руководили Н. Е. Макаренко и В. В. Саханёв. Этот памятник предполагалось сделать своего рода эталонным (Макаренко 1916: 267–268; Семёнов-Зусер 1947: 80, 110). Исследователи, решительно осуждая былую «кладоискательскую» методику раскопок курганов, были намерены детальным образом изучить структуру насыпи, зафиксировать её особенности и возможные впускные погребения, сделать все нужные чертежи и провести систематическое фотографирование. В общем, всё это было проделано, но, к огромному сожалению, о раскопках Первого Мордвиновского кургана мы можем судить сейчас только на основании единственной небольшой статьи (Макаренко 1916). Отчёт о раскопках, чертежи и полевые дневники безвозвратно пропали. Конечно, именно по этой причине позолота эталонности на этом памятнике не закрепилась.

Тем не менее, из статьи Н. Е. Макаренко мы знаем, что в центре кургана была обнаружена катакомба с четырьмя погребальными камерами по углам, из которых две главные оказались ограбленными, а две другие, принадлежавшие слугам, остались непо потревоженными. Ещё одна катакомба была открыта

ОБ АМФОРАХ ИЗ ПЕРВОГО МОРДВИНОВСКОГО КУРГАНА

И ХРОНОЛОГИИ ЭТОГО ПАМЯТНИКА

К нам обратился наш старинный друг и коллега Ю. А. Виноградов с просьбой идентифицировать по фотографии амфору из погребения слуги в Первом Мордвиновском кургане, который раскапывался Н. Е. Макаренко в 1914 г. Сам сосуд не сохранился, но его фотография хранится в архиве ИИМК РАН (рис. 1). Особый интерес всей этой истории придаёт тот факт, что непосредственным вдохновителем и инициатором этих раскопок был М. И. Ростовцев (Зуев 1997: 69), 150-летие которого отмечается в 2020 г.

Как известно из единственной существующей публикации результатов раскопок Первого Мордвиновского кургана в 1914 г., в его Центральной гробнице амфоры были найдены в двух катакомбах с захоронениями слуг, потревоженных грабителями. По конструкции Центральная гробница Первого Мордвиновского кургана аналогична Центральной гробнице Чертомлыка и представляла собой большую глубокую прямоугольную входную яму с четырьмя катакомбами по углам. В одной из этих катакомб найдена одна амфора «обычного типа» и «такие же амфоры» (количество не указано) найдены в другой (Макаренко 1916: 271). Можно предполагать, что все сосуды, найденные в 1914 г. в захоронениях слуг, были однотипными, что характерно для наборов тары в захоронениях высшей скифской знати. По-видимому, на представленной фотографии изображена амфора из той камеры, где был найден один сосуд. Согласно

Рис. 1.
АМФОРА
В юго-западной катакомбе
главной гробницы.
Фото В. В. Саханёва, 1914 г.
ФО НА ИИМК РАН,
отп. Q 600/22





Рис. 2.
АМФОРНЫЕ НАХОДКИ
из раскопок
Первого
Мордвиновского
кургана в 1970 г.

ОБ АМФОРАХ
ИЗ ПЕРВОГО МОРДВИНОВСКОГО КУРГАНА
И ХРОНОЛОГИИ ЭТОГО ПАМЯТНИКА

подписи к фотографии, это юго-западная катакомба. Также известно, что одна из ограбленных «царских» катакомб Н. Е. Макаренко по каким-то причинам осталась нераскопанной (Ростовцев 1925: 423).

Итак, амфора, найденная в 1914 г. в юго-западной катакомбе, на фотографии представлена в неудачном ракурсе, лежащей на боку горлом к фотографу. Сосуд, очевидно, крупный, горло высокое, практически цилиндрическое, ручки поставлены строго вертикально, тулово почти коническое. Можно было бы предположить, что перед нами образец хорошо известных хиосских колпачковых амфор IV в. до н. э. Однако, ножка, хотя и плохо видимая на фотографии, тем не менее, очевидно, иной профилировки, чем у хиосских амфор (Монахов 2003: 20 сл., табл. 11, 12). Она имеет явное расширение с острым ребром, никакого колпачка не просматривается. В данном случае нет сомнений, что это амфора так называемого типа Солоха II, как их называли раньше, и которые относительно недавно были надёжно идентифицированы как тара известнейшего в античности островного винодельческого центра — Пепарета.

В 1970 г. Каховская экспедиция Института археологии АН УССР под руководством А. М. Лескова провела доисследование Мордвиновского кургана. Хотя это доисследование и не было особо результативным, тем не менее, была выявлена структура насыпи кургана, повторно открыта впускная боковая гробница и таким образом была установлена её конструкция, описание которой отсутствует в публикации Н. Е. Макаренко (Макаренко 1916: 271). Также в 1970 г. была полностью исследована Центральная гробница чертомлыцкого типа с четырьмя камерами по углам обширной входной ямы. Ещё раз повторим, что одна из камер по каким-то причинам в 1914 г. осталась неисследованной (Ростовцев 1925: 423). Как установил А. М. Лесков, эта катакомба тогда осталась лишь частично вскрытой (Лесков и др. 1970: 1–4). Также в 1970 г. был исследован грабительский ход, шедший из северо-западной полы кургана в Центральную гробницу, подтверждено наличие крепиды и кольцевого рва кургана. Результаты раскопок Первого Мордвиновского кургана 1970 г. опубликованы лишь в самом общем виде (Лесков 1974: 45–54; Лесков 1981: 154–158; 2019: 228–233). В настоящее время С. В. Полин в рамках совместного украинско-немецкого проекта «Курганы Украины» готовит полную публикацию материалов раскопок более 200 скифских курганов из раскопок Каховской — Херсонской экспедиции А. М. Лескова в 1968–1972 гг. и, в том числе, Первого Мордвиновского кургана.

В процессе подготовки этой публикации были полностью обработаны коллекции находок А. М. Лескова. Среди них имеются фрагменты двух амфор из недоисследованной в 1914 г. северо-восточной камеры Центральной гробницы (рис. 2, 1–6), а также фрагменты амфоры из камней крепиды кургана (рис. 2, 7–9), что представляется важным для характеристики сосудов из Первого Мордвиновского кургана и определения его датировки.

1. Амфора из северо-восточной камеры Центральной гробницы имела достаточно нежное тесто и полностью расслоилась от избытка грунтовой влаги. От неё сохранились только полный «развитый» грибовидный венец с прилегающей незначительной частью горловины и ножка. Под венцом сохранились



остатки прилепов ручек. Поверхность амфоры светло-терракотовая, тесто хорошо отмученное, мелкодисперсное, обильно насыщенное мельчайшими золотистыми частицами. Внешний диаметр венца 16,8 см, высота 2,3 см, диаметр горловины под венцом 11,5 см (рис. 2, 1, 3). Ножка короткая, кубаревидная, с закругленной пяткой с маленькой неглубокой выемкой в центре снизу (рис. 2, 2, 4).

Амфора относится к типу «Солоха-I» с «развитым» грибовидным венцом. Как выяснилось за последние десятилетия, сосуды данного типа производились на Самосе, Родосе, Наксосе, Паросе, в Великой Греции и Сицилии, на Косе, Книде и Пепарете (Монахов 1999: 242–243). Пик их производства и распространения приходится на вторую — третью четверти IV в. до н.э. (Мозолевский, Полин 2005: 324–327; Полин 2014: 558–559). Наша амфора относится к «геленджикскому» варианту I-B продукции Книды по С. Ю. Монахову. Амфоры этого варианта в комплексных находках неизвестны. По косвенным данным С. Ю. Монахов датировал их серединой — третьей четвертью IV в. до н.э. (Монахов 2003: 102–103, табл. 71–6), что отчасти подтверждается нашими материалами.

2. Фрагмент амфоры Пепарета из северо-восточной камеры Центральной гробницы представляет собой крупный обломок горловины с венчиком и частью ручки с местом прилепа. Ручка овальная в сечении. Поверхность внутри светло-красная, снаружи скрыта белесым ангобом. Тесто плотное, с примесью мелкого белого песка. Диаметр венчика 12 см, размер сечения ручки 4,8 × 2,8 см (рис. 2, 5–6). Амфора относится к «солохинскому» или, скорее, к «чертомлыкскому» варианту сосудов Пепарета, выпускавшихся в пределах конца первой — третьей четвертей IV в. до н.э. (Монахов 2003: 97–99, табл. 67–69; Монахов и др. 2019: 150–154).

3. Амфора из крепиды Первого Мордвиновского кургана представлена двумя фрагментами венчика с развитым грибовидным венцом. Внутренняя поверхность светло-терракотовая, внешняя покрыта белым ангобом. Тесто более грубое, чем у амфоры из Центральной гробницы, с примесью большого количества мелкого песка и с обилием мельчайших золотистых блесков. Внешний диаметр венчика 18,2 см, высота венчика 2 см, диаметр горловины под венцом 12,4 см (рис. 2, 7–9). По-видимому, и эта амфора является продукцией Книды «геленджикского» варианта, в котором подобная «уступчатая» профилировка нижней поверхности грибовидного венца встречается довольно часто, и в различных вариантах (Монахов 2003: табл. 71, 1–2, 5, 7).

Кратко повторим информацию об этих амфорах. История локализации амфор Пепарета достаточно непростая. Античный Пепарет, ныне о. Скопелос, находится к северу от о. Эвбея, неподалеку от побережья Фессалии. С древности и до недавнего времени остров жил в основном за счет виноделия. Монетная чеканка Пепарета эпохи классики отражала эту специализацию, там фигурировали эмблемы, прямо связанные с виноделием: «Дионис», «тирс», «гроздь», «аист плюща», сосуды для вина и т. п. (Anson 1910: pl. I, 43, 44; IX, 538). Слава пепаретского вина нашла отражение и в нарративных источниках — об этом писали Софокл, Аристофан, Демосфен, Плиний Старший. Очевидно,

ОБ АМФОРАХ ИЗ ПЕРВОГО МОРДВИНОВСКОГО КУРГАНА И ХРОНОЛОГИИ ЭТОГО ПАМЯТНИКА

что Пепарет был одним из наиболее крупных (наряду с Фасосом, Хиосом, Лесбосом) импортёров вина, которое в керамической таре вывозилось во все районы Причерноморья. При этом Пепарет, точно также, как Хиос и Лесбос, не вводил у себя практику систематического клеймения тары.

Локализация, или идентификация пепаретских амфор произошла после того, как во второй половине 1980-х годов И. Гарлан совместно с М. Пиконом и А. Дульгери-Интцесилогу открыли, а затем и частично раскопали остатки трёх свалок амфорных мастерских с массой битой продукции и керамическим браком на о. Скопелос (Doulgeri-Intzesiloglou, Garlan 1990: 368 ff.; Garlan 2000: 48 ff., fig. 24; Амперер, Гарлан 1992: 20). Это открытие дало основание для локализации керамической тары Пепарета. Сравнив найденные на свалках фрагменты амфорных венцов и ножек с соответствующими профильными частями целых неатрибутированных сосудов, авторы высказали предположение, что продукцией Пепарета являются хорошо известные в археологии конические амфоры IV в. до н.э. так называемой группы Солоха II. Морфологический анализ фрагментов пепаретских амфор из мастерских и целых сосудов из причерноморских раскопок, показавший единство всей группы, был подкреплён результатами физико-химического анализа образцов глины, который в целом подтверждает гипотезу об отнесении амфор типа Солоха II к продукции Пепарета (Picon 1990: 390 ff.).

Все находки на о. Скопелос, как, впрочем, и аналогичные сосуды, обнаруженные за его пределами, датируются IV в. до н.э., тара предшествующего и последующих столетий остаётся нам неизвестной. При этом абсолютное большинство зафиксированных пепаретских амфор найдено в Северном Причерноморье, а с учётом того, что многие из них обнаружены в хорошо датированных комплексах, появились объективные основания детализировать многие характеристики, в частности, удалось выделить два последовательных варианта: «солохинский» и «чертомлыкский» (Монахов 2003: 96 сл., табл. 67–70). Остаётся выяснить, к какому из вариантов относятся амфоры из Мордвиновского кургана из раскопок Н. Е. Макаренко 1914 г. и А. М. Лескова из раскопок 1970 г. Для этого необходимо выяснить контекст находок таких амфор.

В рамках «солохинского» варианта выделяется, по меньшей мере, три фракции с фактической ёмкостью более 20, 16,7–19,0 и 15,0–16,3 литра. Такие амфоры в различных комплексах надёжно синхронизируются по другим группам керамической тары, особенно клеймёной (гераклеийской, фасосской, синопской), а также по чернолаковой и краснофигурной керамике. Таких комплексов на сегодняшний день накопилось достаточно много. Рассмотрим основные из них без детализации.

Прежде всего, это *Елизаветовский курган 76* (Монахов 1999: 185, табл. 70), *курган Солоха* (Монахов 1999: 239, табл. 98) и *кораблекрушение у Портичелло* (Gill 1987: 17 ff.; Eiseman 1987: 50, fig. 4; Lavall 1998: 22 ff.; Монахов 1999: 243, табл. 99). В первом из них вместе с пепаретской найдена гераклеийская амфора с клеймом раннего фабриканта Архестрата, что даёт основание отнести комплекс к 390-м годам. Впускное погребение кургана Солоха, где присутствовало 8 или 9 таких амфор, по всему комплексу сопутствующего материала,

в том числе и чёрному лаку, относят к 380-м годам. Этим же временем датируется материал из Портгичелло.

Большой набор пепаретских амфор (8 экз.) происходит из тризны *Змеиного кургана* на Юз-Обе. Здесь весь материал датируется по набору фасосских клейм магистратов Аристомена, Лавра и Леогена в пределах первой половины 380-х годов (Монахов и др. 2016: 39, рис. 3, 4).

Весьма важной была находка в надёжном хронологическом контексте первых пятнадцати лет IV в. до н.э. пепаретской амфоры с двумя круглыми энглифическими клеймами с буквами «Ф» — в нижней части горла и «Е» — на ножке в *яме № 2/1983 года на херсонесском городище* (Монахов 1999: 239, табл. 97; Монахов и др. 2017: 31, рис. 9). Симптоматично, что клеймо «Ф» того же штампа встречено в комплексе *кургана у с. Богдановка* в контексте с гераклейскими клеймами конца 390-х годов (Монахов 1999: 211, табл. 86; Полин 2014: 246–252, рис. 179).

Ещё одним хорошим комплексом является *склад 1966 года на площади 109 в Пантикапее*, где пепаретская амфора встречена совместно с хиосскими, а также клеймёнными фасосскими и гераклейскими самого начала IV в. до н.э. (Монахов и др. 2020).

Недавно в том же Пантикапее открыт огромный комплекс из сотен амфор разных центров (Фасос, Гераклея, Менда, Хиос, Пепарет), который по гераклейским и фасосским клеймам датируется тем же самым временем, что и предыдущий (Толстикова, Ломтадзе 2016: 475, рис. 9, 1, 11, 1).

В пределах первых двух десятилетий IV века надёжно датируется пепаретская амфора «солохинского» варианта, обнаруженная в хорошем контексте в котловане 1987 года под центральным зданием *басилей Спартокидов в Пантикапее* (Толстикова, Ломтадзе 2001: 429, табл. II, 1).

380–370 гг. до н.э. уверенно датируются две пепаретские амфоры из *кургана № 4 никонийского некрополя* (Монахов 1999: 313 сл., табл. 134). Примерно к тому же времени относятся такие амфоры из комплекса *склада 1990 года на «усадьбе Литвиненко»*, где они синхронизируются с клеймёнными гераклейскими (Монахов 1999: 336 сл., табл. 145).

Хорошую хронологическую привязку даёт *комплекс ямы № 271 из Никония*, где вместе с тремя пепаретскими амфорами встречена фасосская с клеймом магистрата Мииска, деятельность которого уверенно датируют в пределах первой половины 360-х годов (Монахов 1999: 299, табл. 125; Tzochev 2016: tabl. 2).

Таким образом, пепаретские амфоры «солохинского» варианта совершенно надёжно датируются в пределах первой трети IV столетия, не позднее.

«Чертомлыцкий» вариант амфор Пепарета получил название по находке в тризне скифского царского кургана Чертомлык, где найдено 7 целых и фрагменты не менее 47 амфор Пепарета (Полин 1991: 366, табл. 2; 2014: 441, рис. 385, 1, 5–8; Монахов 2003: 99, табл. 69). Находки «чертомлыцкого» варианта пепаретских амфор значительно менее многочисленны, чем амфор предшествующего варианта. В числе таковых можно назвать амфоры из *Гаймановой Могилы*, где найдены 4 целых и фрагменты 10 амфор Пепарета, и *кургана № 4 у с. Садово*. По данным С. Ю. Монахова, такие амфоры также

ОБ АМФОРАХ
ИЗ ПЕРВОГО МОРДВИНОВСКОГО КУРГАНА
И ХРОНОЛОГИИ ЭТОГО ПАМЯТНИКА

имеются в фондах Симферопольского музея и Ольвийского заповедника (Монахов 2003: 99, табл. 69, 4–5; 70, 1–2; Бидзиля, Полин 2012: 174–178, кат. 1, 12, 1, 14–16, 1, 21–23, 1, 27–28, 1, 30, 324–326, рис. 458–461). Самый крупный на сегодняшний день комплекс пепаретских амфор «чертомлыцкого» варианта представлен *грузом корабля «Змеиний-Патрокл»*, затонувшего у острова Змеиный (Левка). В составе груза этого корабля насчитывается 824 амфоры Икоса (по А. И. Терещенко, Пепарет — I), 77 амфор Пепарета (по А. И. Терещенко Пепарет — II) и одна амфора с развитым грибовидным венцом (по А. И. Терещенко Пепарет — III). По многочисленной и разнообразной чернолаковой керамике из состава груза судна, имеющей аналогии на Афинской Агоре среди керамики 380–325 гг. до н.э., исследователь датировал груз в пределах 350–325 гг. до н.э. (Терещенко 2013а; 2013б: 74–82, рис. 4, 1, 3, 4; 6; 7). Однако, в составе чернолаковой керамики преобладали килики «the light-walled cup-skyrphos» трёх размеров, составлявших целую партию (Терещенко 2013б: 79–80, рис. 7, 8–10). По материалам Афинской Агоры такие килики датируются в пределах 420–350 гг. до н.э. Однако, уже во второй четверти IV в. до н.э. такие сосуды представляли большую редкость. Считается, что во второй четверти IV в. до н.э. килики данного типа полностью вытеснены канфарами (Sparkes, Talcott 1970: 110–111, №№ 580–611). Это наблюдение подтверждают и канфары с тонкими и утолщенными венчиками в составе груза корабля «Змеиний-Патрокл» (Терещенко 2013б: 79, рис. 7, 1, 4), которые по своим приземистым пропорциям относятся к ранним разновидностям и датируются тем же временем (Полин 2014: 354–255, 315–316 — здесь литература вопроса). Таким образом, датировка груза корабля «Змеиний-Патрокл» ограничивается второй четвертью IV в. до н.э. и не выходит за пределы 350 г. до н.э.

Первоначально «чертомлыцкий» тип амфор Пепарета датировался в пределах 350–320 гг. до н.э. (Монахов 2003: 99). Однако, уточнение датировки Гаймановой Могины в пределах 390/380–350 (Бидзиля, Полин 2012: 508–511; Полин 2014: 289–292) указывает на появление «чертомлыцкого» типа амфор Пепарета ещё во второй четверти IV в. до н.э. Датировка самого Чертомлыка представляется наиболее оптимальной в пределах 350–340 гг. до н.э. (Полин 2014: 449). В огромной тризне Александропольского кургана, датирующейся в пределах 340–330 гг. до н.э., среди 479 амфор 15-ти различных типов, тара Пепарета отсутствует полностью, что, возможно, свидетельствует о прекращении её изготовления или поступления в Северное Причерноморье ещё до конца третьей четверти IV в. до н.э. (Полин, Алексеев 2018: 320–322). Таким образом, в целом датировка «чертомлыцкого» типа амфор Пепарета может определяться в пределах 360–330 гг. до н.э.

Находки амфор Пепарета в скифских курганах Северного Причерноморья встречаются сравнительно нечасто и, как правило, происходят из курганов скифской знати самых разных уровней, вплоть до царского. В курганы рядовых скифов такие амфоры попадали крайне редко. Основная масса находок амфор Пепарета сосредоточена в Нижнем Поднепровье. Единичными находками эти амфоры представлены в курганах Нижнего Подонья, Крыма и Северо-Западного

Причерноморья¹.

Что касается амфор с развитым грибовидным венцом из Первого Мордвиновского кургана, то, как отмечено выше, они принадлежат к «тегенджикскому» варианту I-B амфор Книда по С. Ю. Монахову. Такие амфоры в комплексных находках неизвестны и по косвенным данным были датированы серединой — третьей четвертью IV в. до н. э. (Монахов 2003: 102–103, табл. 71, 6). По сопровождающим амфорам Пепарета эта датировка может быть распространена и на вторую четверть IV в. до н. э. Амфоры с развитым грибовидным венцом различных центров производства являются ещё более редкой, нежели амфоры Пепарета, находкой в скифских курганах Северного Причерноморья². Такие сосуды встречаются преимущественно в курганах скифской знати всех уровней вплоть до царского и при этом, как ни странно, в нескольких рядовых курганах конца первой — третьей четверти IV в. до н. э. В курганах они представлены единичными экземплярами, за исключением Солохи.

Для уточнения датировки амфор и, соответственно, Центральной и впускной гробниц Первого Мордвиновского кургана чрезвычайно важны весьма разнообразные по составу наборы нашивных золотых бляшек, найденных в обеих гробницах в 1914 г. Как показал А. Ю. Алексеев, наборы этих бляшек полезны для установления, прежде всего, относительной хронологии скифских царских

- 1 Солоха, курганы №3 у с. Богдановка, №4 в уроч. Носаки, №7 группы Первобаевка-III, №5 группы Первобаевка-V, №№9 и 10 у с. Малая Лепетиха, Толстая Могила, №18 у с. Львово, Гайманова Могила, №№13, 15 и 22 Золотобалковского могильника, погребение №2 у с. Наглиманское, курганы №№14/1909 г., 19/1911 г., 38/1975 г., 76/1977 г., 92/1977 г., 129/1983 г. у ст. Елизаветовской, №1 у с. Ольгино, №№1 и 5 у г. Каменка-Днепровская, №1N (№10) у с. Аджигол (Солончаки), №92 у с. Выводово, №29 группы Чертомлык-III, №9 у с. Кут, №№3 и 21 у с. Новая Маячка, Вишнева Могила, №№13 и 14 у с. Гоювка, №№7 и 16 у пгт Верхний Розачик, №13 у с. Новое Запорожье, Сахнова Могила (№29), №4 у с. Ильинка, №1 группы Испановых могил, №2 группы Чередниковои Могила, №32 у г. Орджоникидзе, №4 группы Сагово-II, №56 группы Широко-II, №7 у с. Мирное, №№1, 7 и 14 группы Вильна Украина-I, 2-й Мордвиновский курган, №3 у с. Чернянка, №№45, 62 и 84 группы Мамай-гора, №18 у с. Крыловка, №4 у с. Богачевка, №4 у с. Червоное, №2 у с. Чкалово, Плоская Могила, Чертомлык, №3 у с. Дудчаны, Желтокаменка, Водяна Могила, Соболева Могила, Краснокутский курган, №12 у с. Владимировка, №4 группы Сагово-II, №70 группы Широко-II, могильник Благовещенка, Страшная Могила, №2 группы Чкалово-II, Чертомлыцкая Близница, №10 у с. Лупарево, №1 группы Каменка-III, Беш-Оба-IV (Полин 2014: 244, 247, 257, 261, 262, 272, 275–276, 288, 291–293, 296, 299, 301, 303, 307, 308–309, 315–316, 333, 336, 341, 345–346, 350, 350–351, 354, 356, 361, 370–371, 374, 377, 379, 384, 387, 392, 394–395, 398, 411, 413–414, 418–421, 435, 441, 450, 453, 464–465, 478, 480, 487, 510, 524, 533, 536, 538–539, 543–544, 572, 574, 587–588).
- 2 Солоха, К. 9 у с. Малая Лепетиха, К. 22 Золотобалковского могильника, 5-й Пятибратний курган, К. 92 у с. Выводово, К. 4 могильника Дивизия, К. 14 у с. Гоювка, КК. 7 и 10 у пгт Верхний Розачик, К. 2 группы Чередниковои Могила, К. 1 у с. Лебезино, К. 1 у с. Владимировка, КК. 15 и 138 могильника Мамай-гора, Плоская Могила, Чертомлык, Водяна Могила, К. 8 группы Чередниковои Могила, Краснокутский, Александропольский и Рыжановский курганы, КК. 1/1937 г., 7 и 11 группы II Никопольского курганного поля, К. 33 группы Широко-II, могильник Благовещенка, Николаевский курган (Новый Водопои), К. 1 у с. Владимировка, Страшная Могила, К. 5 у с. Юровка, К. 6 у с. Малая Терновка, К. 5 у г. Орджоникидзе, курган Беш-Оба-IV, К. 7 у с. Кременевка (Полин 2014: 244, 272, 296, 302, 336, 341, 351, 354–355, 374, 386, 399, 412, 414, 435, 441, 464, 466, 487, 498, 503, 530, 533, 535, 536, 538–539, 565, 586–591).

Глава II.

ОБ АМФОРАХ
ИЗ ПЕРВОГО МОРДВИНОВСКОГО КУРГАНА
И ХРОНОЛОГИИ ЭТОГО ПАМЯТНИКА

курганов. По его данным обе гробницы Первого Мордвиновского кургана по наборам бляшек входят в одну группу с наборами из основной гробницы кургана Верхний Розачик, основной (мужской) гробницы Мелитопольского кургана, составляющих группу IV скифских царских курганов по А. Ю. Алексееву, которая, в свою очередь, тесно связана с группами II (Чертомлык, Куль-Оба, Толстая Могила, Башмачка VI, Цимбалка, Большая Близница — склеп 1, Носаковский IV, 1), III (Чмырева Могила 2 и 1, Шульговка I) и V (Деев курган, Верхний Розачик 2, 8-й Пятибратний, Денисова Могила, Большая Близница — склеп 4, Рыжановка) (Алексеев 1984: 69).

Конкретные аналогии бляшкам из Центральной гробницы Первого Мордвиновского кургана мы найдём в Центральном склепе и Северной могиле Огуза, курганах Кара-Тюбе, Курджипс и Верхний Розачик, Деевом, 8-м Пятибратнем и Бердянском курганах, гробнице №1 кургана №4 в урочище Носаки, в погребениях №1 курганов №№13, 15 и 22 могильника Золотая Балка, женской гробнице Мелитопольского кургана, Северной №1 и Южной №4 гробницах Гаймановой Могилы, Центральной гробнице Александропольского кургана, Бабиной Могиле, в Малом Огузе, Шульговке, Толстой Могила, Желтокаменке, Башмачке, Чертомлыке, Денисовой и Татьяниной могилах, Геремесовом кургане, курганах №9 возле Малой Лепетихи, №92 у с. Выводово, №11 группы БОФ возле г. Орджоникидзе. Все эти курганы датируются от 380–370 гг. до 340–330 гг. до н. э. (Монахов 1999: 287, 296, 354, 368–369, 397, 405–406; 2003: 64–65, 68, 93–94; 2018: 332; Полин 2014: 179, 258, 268, 272, 279, 291–292, 294, 297, 335, 432, 434, 449, 454, 475–477, 484, 487, 499).

Аналогии бляшкам из боковой гробницы Первого Мордвиновского кургана мы находим практически в тех же курганах, что и для бляшек из Центральной гробницы, что указывает на теснейшую близость датировок обеих гробниц. Это Деев курган, Куль-Оба, Шульговка, Бабина Могила, Огуз, Гайманова Могила, Татьяна Могила, Александрополь, Чертомлык, Верхний Розачик, Мелитопольский курган, курган №4 в уроч. Носаки, Ташенак. Все эти курганы относятся к тому же хронологическому интервалу.

Для Центральной и впускной гробниц Первого Мордвиновского кургана определяющими являются бляшки монетного типа, подражающие монетам Филиппа II Македонского и бляшки с изображением скифа с ритонном, предвостоящим перед богиней с зеркалом. Именно в Первом Мордвиновском кургане бляшки, подражающие монетам Филиппа II Македонского, представлены максимально широко. Датируются они в пределах второй — начала третьей четверти IV в. до н. э. (Полин, Алексеев 2018: 303–305). В тех же пределах датируются и бляшки с изображением скифа с богиней.

Всё сказанное позволяет отнести амфоры Пепарета из Первого Мордвиновского кургана к «чертомлыкскому» варианту и датировать их широко в пределах 360–330 гг. до н. э., скорее, всё-таки серединой IV столетия.

НОВОЕ О СТАРОМ ОТКРЫТИИ

Schefold 1934 — *Schefold K.* Untersuchungen zu den Kertscher Vasen. Berlin; Leipzig. 1934. 161 S.

Seiterle 1979 — *Seiterle G.* Artemis — Die Grosse Göttin von Ephesos // *Antike Welt.* No. 3. 1979. S. 3–16.

Sparkles, Talcott 1970 — *Sparkles B.A., Talcott L.* Black and Plain Pottery of the 6th, 5th, and 4th Centuries BC. The Athenian Agora. Vol. XII. Princeton, New Jersey: J.J. Augustin, 1970. 500 p.

Tzochev 2016 — *Tzochev C.* Amphora Stamps from Thasos. The Athenian Agora. Vol. XXXVII. Princeton, 2016. 244 p.

Ustinova 2005 — *Ustinova Yu.* Snake-Limbed and Tendril-Limbed Goddesses in the Art and Mythology of the Mediterranean and Black Sea // *Scythians and Greeks. Cultural Interactions in Scythia, Athens and the Early Roman Empire (sixth century BC — first century AD)* / ed. D. Braund. Exeter: University of Exeter Press, 2005. P. 64–79.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АСГЭ

Археологический сборник Государственного Эрмитажа

БФ

Боспорский феномен. Материалы международной научной конференции

ГАРФ

Государственный архив Российской Федерации

ГАИМК

Государственная Академия истории материальной культуры

ДБ

Древности Боспора. М.

ИАК

Императорская археологическая комиссия

НА ИА НАНУ

Научный архив Института археологии Национальной Академии Наук Украины

НА ИИМК РАН

Научный архив Института истории материальной культуры Российской академии наук

ОАК

Отчет Археологической комиссии

РАИМК

Российская Академия истории материальной культуры

РГАЛИ

Российский государственный архив литературы и искусства

РО

Рукописный отдел

СА

Советская археология. М.

САИ

Свод археологических источников. М.

ФО

Фотографический отдел

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ.

Первый Мордвиновский курган — эталонный и почти забытый памятник скифской культуры
(*Ю. А. Виноградов, М. В. Медведева*)

5

Глава .I. Первый Мордвиновский курган: ДОКУМЕНТЫ И ПЕРВЫЕ ПУБЛИКАЦИИ

II

Н. Е. Макаренко. Первый Мордвиновский курган (12)

М. И. Ростовцев. Из книги «Скифия и Боспор» (21)

В. В. Саханёв. Письмо в Императорскую археологическую комиссию (23)

Из передаточной описи Академии истории материальной культуры (27)

Из инвентарной описи бывшего Эллино-Скифского отделения Эрмитажа. Приднепровье (30)

Глава .II. Первый Мордвиновский курган: НОВОЕ О СТАРОМ ОТКРЫТИИ

37

М. В. Медведева. Об изучении Мордвиновского кургана в 1914 г. (38)

С. Ю. Монахов, С. В. Полин. Об амфорах из Первого Мордвиновского кургана и хронологии этого памятника (80)

И. Ю. Шауб. Головной убор девушки из Первого Мордвиновского кургана (90)

И. Ю. Шауб. Золотое ожерелье (102)

А. Е. Терещенко. Монетовидные нашивные бляшки из Мордвиновского кургана (111)

М. Ю. Вахтина. Нашивные бляшки-аппликации и другие украшения из Мордвиновского кургана (119)

М. Ю. Вахтина. Деревянный сосуд из бокового погребения Мордвиновского кургана (134)

ЗАКЛЮЧЕНИЕ.

Первый Мордвиновский курган в свете архивных находок (*Ю. А. Виноградов*)

139

ТАБЛИЦЫ 1–126

152

Литература (215)

Список сокращений (230)